

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
«Алтайский государственный институт культуры»

ISSN 2414-9101

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
(Алтайская государственная академия культуры и искусств)

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Научный журнал

№ 1 (11) 2017

Барнаул 2017

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный институт культуры»

Главный редактор: Буевич Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, ректор Алтайского государственного института культуры

Заместитель главного редактора: Полякова Елена Александровна, доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры

Ответственные за выпуск: Губина Нина Валерьевна кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Алтайского государственного института культуры, Витовтова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Алтайского государственного института культуры

Редакционный совет:

Турдугулов Али Турдугулович, доктор филологических наук, профессор, директор Института фундаментальных и социально-гуманитарных исследований при госкомитете по науке и новым технологиям при Кыргызской Республике (г. Бишкек, Кыргызстан);

Григорьева Елена Ивановна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор Российского государственного социального университета (Москва, Россия);

Трофимова Раиса Афанасьевна, доктор социологических наук, профессор Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Матис Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Садалова Тамара Михайловна, доктор филологических наук, ответственный секретарь Алтайского отделения Российской комиссии по делам ЮНЕСКО (Горно-Алтайск, Россия);

Яфальян Алла Федоровна, доктор педагогических наук, профессор Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского (Екатеринбург, Россия);

Шишин Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета (Барнаул, Россия);

Синецкий Сергей Борисович, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия).

Редакционная коллегия:

(Алтайский государственный институт культуры)

Гусякова Людмила Герасимовна, доктор социологических наук, профессор Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Оленина Галина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Серегин Николай Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Первушина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой художественной культуры и декоративно-прикладного творчества Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Реттих Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий отделом организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Витовтова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Губина Нина Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Фролова Анна Сергеевна, кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия).

Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Региональные особенности культуры в евразийском пространстве. Барнаул : Изд-во АГИК, 2017. № 1 (11). ISSN 2414-9101.

Материалы первого номера журнала «Ученые записки» Алтайского государственного института культуры за 2017 г. представляют результат работы международного научного коллектива, сложившегося в ходе проведения II международной научно-практической конференции «Культура в евразийском пространстве: традиции и новации» (12–13 мая 2016 г.). Авторы дают характеристику региональным особенностям евразийской культуры с точки зрения истории, философии, культурологии, искусствоведения, социально-культурной деятельности, этнографии, фольклористики, рассматривают проблемы межкультурной коммуникации, поликультурного общества, художественного образования, геополитики и др. в контексте ключевых принципов евразийства.

Содержание

От редакции.....	5
РАЗДЕЛ 1. ЕВРАЗИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ	
Матис В. И. Социально-культурные условия формирования евразийского пространства поликультуры	7
Иванов А. В. Алтай – Гималаи: культурный мост Евразии.....	12
Криштапович Л. Е. Философия евразийского союза.....	19
Кряклина Т. Ф. Этнополитические особенности становления и развития евразийской цивилизации.....	27
Яфальян А. Ф. Локальные культуры и субкультуры в евразийском пространстве.....	31
Оленина Г. В. Международное добровольчество как социально-культурное движение: культурологический подход.....	39
Сытых О. Л. Трансляция знания и опыта в традиционных культурах.....	43
Бармин В. А. Особенности формирования и развития культурных связей Сибиряка с советскими среднеазиатскими республиками и Сибирью в 20–30-х гг. XX века.....	48
Щеглова Т. К. Этапы формирования этнического и этнокультурного состава населения Алтая в контексте перманентных переселений и миграций XVIII–XXI столетий.....	54
Полякова Е. А. Педагогический потенциал коммуникативной деятельности церковных музеев (на примере Музея истории православия на земле Кузнецкой)	62
РАЗДЕЛ 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА	
Турдугулов А. Т. О значении культурного диалога в интеграции евразийского сообщества.....	67
Ан С. А. Алтайский героический эпос как средство сохранения этнокультурной идентичности.....	74
Кимеев В. М. Особенности изучения, сохранения и трансляции этнокультурного наследия коренных малочисленных народов Притомыя.....	77
Дугаров Б. С. Феномен книги в тюрко-монгольском эпосе: буддийское влияние и алтайско-бурятские параллели.....	82
Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. О вопросах по изучению алтайского сказания «Янар».....	88
Дампилова Л. С. Мифологический контекст в обрядовых событиях Алтайского мира.....	94
Цветкова А. Д. Устные мифологические рассказы о домовом в фольклоре Рудного Алтая.....	98
Щербакова О. С. Этнокультурные особенности проведения съезжих праздников в среде русского населения Алтая (середина XIX – первая треть XX вв.).....	105
Секретова Л. В. Этнокультурные доминанты преподавания педагогики досуга в вузе.....	111

11. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 331. Л. 43.
12. Ерзин, М. И. Становление и развитие уйгурской советской печати. – Алма-Ата, 1988. – 168 с.
13. Ефимов, Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. – Москва, 1949. – 576 с.
14. Сладковский, М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). – Москва, 1977. – 367 с.
15. Галенович, Ю. М. “Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений” : в 2-х т. – Москва, 1992. – Т. 1 : От октября 1917 г. до октября 1949 г. – 1992. – 168, [2] с.
16. АВП РФ. Ф. 100-в. Оп. 18. П. 41. Д. 25.
17. Панюшкин, А. С. Записки посла: Китай 1939–1944. – Москва, 1981. – 301 с.
18. АВП РФ. Ф. 100-в. Оп. 18. П. 41. Д. 31.

УДК 39::325. 11(235. 222)”18–21 вв. ”

Т. К. Щеглова
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

**ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОСТАВА
НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРМАНЕНТНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ
И МИГРАЦИЙ XVIII–XXI СТОЛЕТИЙ**

Анализируются этнические процессы на территории Алтая на протяжении трех столетий. Выделяются причины и этапы этнических миграций и переселений. Устанавливается их обусловленность политикой государства и региональных властей, выявляется влияние политических и экономических факторов на изменения этнического состава Алтая. Описываются сходства и отличия этапов по характеру переселений; степени участия административных структур; составу переселенцев и мигрантов; местам исхода; распределению или расселению на территории Алтая, процессам и факторам консолидации и дифференциации, как между этносами, так и внутри этнических систем. Анализируется культурное многообразие внутри этнических социумов и его влияние на историко-культурное наследие народов Алтая.

Ключевые слова: Алтай, этнический состав, политика государства, этапы переселения, миграции, размещение, этнокультурное многообразие.

Т. К. Shcheglova
Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia

**PHASES OF ALTAI TERRITORY
ETHNIC AND CULTURAL COMPOSITION FORMATION
IN CONTEXT OF PERMANENT RESETTLEMENT
AND MIGRATION PROCESSES IN THE 18TH – 21ST CENTURIES**

The article gives the analysis of ethnic structure formation processes in the Altai region during three centuries. The author points out on main reasons and phases of ethnical migration motions, argues that these motions are entailed by state policy and regional administration activity, defines a role of political and economic factors in changes of ethnical structure of the Altai. In addition, the author describes key similarities and differences of the phases in aspects of resettlement nature, the measure of authorities' participation, contingent of migrants, their exodus location, settlers' dispersion on the Altai territory, intra-ethnic and external ethnic consolidation and differentiation processes. The article gives a review of

cultural plurality of ethnical groups and its influence on historical and cultural heritage of the Altai territory population.

Key words: the Altai, ethnical structure, state policy, resettlement phases, migration motions, settlement, ethnical and cultural plurality.

Формирование населения Алтая проходило в несколько этапов, условия и факторы на каждом из них повлияли на этнический и этнокультурный состав региона. Этапы были связаны с известными масштабными историческими процессами и событиями. Для Алтая, как и Сибири в целом, большое значение имели миграции и переселения с территории Европейской России. Они носили как импульсивный характер – в контексте государственной политики массовых переселений и репрессий XVIII – XX столетий, так и регулярный характер – имели место передвижения групп населения в виде мерцающей миграции по собственной инициативе. Наибольшее значение имели переселения и миграции в контексте государственной политики. Они в первую очередь определили этнический состав населения Алтая и этапы его формирования.

Целью публикации является выделение этапов формирования территориально-этнической картины Алтая под влиянием политики государства и региональных властей. Задачи исследования состоят в анализе причин и состава миграционных и переселенческих потоков на каждом из этапов, основных тенденций и особенностей миграций и переселений, определение мест исхода переселенцев, выявление особенностей размещения и распределения этнических мигрантов и переселений на территории Алтая. Основными источниками служили материалы историко-статистических исследований конца XIX – начала XX столетий, материалы переписей, начиная с Первой Всероссийской переписи 1897 г., и заканчивая последней переписью 2010 г., а также нормативные законодательные и распорядительные акты и материалы полевых исследований автора за 1991–2016 гг.

Первый этап охватывал 1700–1860-е гг. Верхнее Приобье вошло в состав Российского государства позднее других сибирских территорий, в первой четверти XVIII в. Основу первых поселенцев составляло население, сформировавшееся в Сибири в период её освоения. Это было преимущественно великоросское население, которое прижилось в Сибири в XVI–XVII вв. или проживало на Урале, являвшемся перевалочной территорией между Европейской Россией и Зауральем. Установить точный этнический состав населения в это время сложно; в практике Российской империи учет населения предусматривал, в первую очередь, сословную и вероисповедальную принадлежность. Этническая принадлежность, вплоть до начала XX в. (национальной политики советского правительства), не имела значения (за исключением еврейского вопроса и вопроса об инородцах). Даже усложнение этнического состава в XIX в. в период «собрания империи» за счет расширения границ по периметру Российской империи от Финляндии до Курил не изменило ситуации. Хотя, благодаря территориальному росту, численность народов в России превысила 200. В сословном государстве для новых граждан России важнее был социальный статус, чем этническая принадлежность – грузинский дворянин Тифлисской губернии и русский дворянин Смоленской губернии мало отличались в своих правах. Пропать лежала между тифлисским дворянином и смоленским крестьянином; между смоленским дворянином и тифлисским крестьянином.

Поэтому при заселении Алтая в XVIII – XIX вв. в источниках фиксировались не этнические, а этнотерриториальные группы населения, называющие себя по местам выхода или происхождения. В архивных документах встречаются названия – тоболяки, пермяки, и др. Они являлись идентификационной маркировкой, отражали корни происхождения, позволяли консолидироваться в борьбе за свои права и привилегии на осваиваемой территории. К середине XIX в. эти названия сольются в группу «старожилы», название которой маркировало их права на территорию Верхнего Приобья, а в среде интеллигенции появилось обобщение «сибиряки». Антропонимический и генеалогический анализ показывает доминирующее великоросское происхождение. Консервировал этносоциальную ситуацию запрет на принудительные и вольные переселения на Алтай до 1865 г., в т. ч. запрещение каторги, ссылки, крестьянских переселений на территорию Алтая. Связано это было со стремлением Кабинета Е. И. В. сохранить созданные социально-

экономические условия функционирования горнозаводского хозяйства по производству серебра и золота в казну Кабинета.

Такая ситуация на Алтае не являлась исключением. Для исследователей занимающихся этнической историей и этнографией народов России выявление этнических корней в исторических документах XVI–XVIII вв. является большой проблемой. Специалист по этнической истории башкир Г. Х. Самигулов считает, что «сегодня все яснее становится, что зачастую в документах XVI–XIX вв. понятия, которые мы привыкли воспринимать как этнонимы, использованы в другом значении. Чаще всего эти слова употребляли как сословные (этносословные) обозначения». При изучении документов и попытках разобраться с этнической ситуацией на Урале (в первую очередь, Южном) в XVII–XVIII вв. исследователь столкнулся с противоречивостью документов, «когда в отношении одного и того же «объекта» использовались различные обозначения, например «вогул» и «татарин», либо одни и те же группы людей в различные периоды названы разными «терминами». Это дало основание автору прийти к выводу, что «складывается довольно своеобразная ситуация, когда все ясачное население в пределах уезда «маркируется» одним этнонимом, вне зависимости от реальной языковой/этнической принадлежности... описанная схема работала в делопроизводстве» [1].

Второй этап, 1865–1905 гг., имел большое значение в формировании этнической и этнокультурной основы населения Алтая. Началом этого этапа стал 1865 г., открывший Алтайский округ для переселений. Связано это было с кризисом горнозаводской промышленности и добычи металлов, благодаря которым Верхнее Приобье вошло в состав Российской империи. Кабинет Е. . И. В. в поисках новых источников доходов, превратил земли в источник дохода; были разработаны принципы земельно-оброчного хозяйства. Кабинет высказал свою заинтересованность в переселении крестьян, которая не совпала с курсом российского государства. Согласно условиям отмены крепостного права крестьянам давалось время выкупить землю. Был введен статус временнообязанных крестьян. Государство в интересах землевладельцев пыталось сдерживать передвижение крестьян. Именно поэтому на этом этапе среди переселенцев на Алтай значительную долю составляли крестьяне из малоплодородных земель, не представлявших интереса для землевладельцев – из северорусской и среднерусской (центрально-промышленный район) этнографических зон. И лишь в 1881 г. появился первый указ государства, разрешающий крестьянские переселения. Крестьян сдерживало отсутствие помощи государства. Тем не менее, именно с 1865 г. началось массовое переселение крестьян на Алтай. В 1860–1870-е гг. годовое число переселенцев составляло около 10 тыс. чел., в 1880-е гг. колебалось между 20 и 30 тыс. чел., в 1890-е гг. не опускалось ниже 50 тыс. чел., поднимаясь в отдельные годы до 200 тыс. чел. Всего с 1865 по 1905 гг., по подсчету И. Г. Силиной, в Сибирь ушло до 1773,7 тыс. человек, в Алтайский округ – 669492 человека (в среднем в год около 38% всех переселенцев оседали на Алтае), плотность населения на 1 кв. версту увеличилась с 3,7 чел. в 1897 г. до 4,2 чел. в 1905 г. [2]. В переселенческом движении принимало участие около 60 губерний, в т. ч. и полиэтнические территории. Например, переселенцы Поволжья и Волго-Камского региона (немцы, мордва, удмурты, марийцы, чувашаи, коми, коми-зыряне, башкиры, татары и т. д.)

Предварительные итоги подвела первая всероссийская перепись 1897 г. [3]: в Алтайской округе при преобладании русских (1 млн 444 тыс. человек) выросло число украинцев – 71980 чел., мордвы – 11044 чел., белорусов – 3131 чел., зырян – 1478 чел., чувашей – 1264 чел. Благодаря соседству казахской степи насчитывалось 20,2 тыс. казахов.

Таким образом, именно второй этап заложил полиэтническую структуру сельского населения Алтая. Более того, для этого этапа характерно формирование этнических анклавов, благодаря компактному заселению этнических мигрантов. Примерами этого являлось формирование немецкой переселенческой зоны или татарско-казахских анклавов [4]. Так, первые немецкие поселения на Алтае появились в 1890-х гг. Их численность в Алтайском округе в конце XIX в. составляла 499 чел. Один из первых очагов немецкой крестьянской колонизации возникает на Алтае в южной части Кулундинской степи, в 1886 г. когда крестьяне лютеране образовали дер. Дубровину Нижне-Кулундинской волости [5, с. 63]. Массовое переселение немецких колонистов на

территорию Алтайского округа проходило на рубеже XIX–XX вв. в двух направлениях: северо-западная часть Барнаульского уезда (Кулундинская степь) и юго-западная часть Змеиногорского уезда (Бель-Агачская степь). А столыпинский этап укрепил немецкие этногеографические анклавы. Переселенческое управление, учитывая уже сложившиеся немецкие зоны, выделило для размещения немецких переселенцев около 60 тыс. дес. земли. В Славгородском уезде в 1907 г. было основано 14 немецких поселений, в 1908 г. – 16, в 1909 г. – 16. К 1914 г. немецкое население в Славгородском уезде составляло 17 тыс. человек. А по данным переписи 1920 г. в губернии было 5278 немецких домохозяйств. К 1926 г. немецкое население по численности в губернии вышло на 4-е место (34156 чел.) [6]. Именно, благодаря переселенцам рубежа XIX – XX столетий, заложившим первые немецкие поселки и столыпинским переселениям, закрепившим компактное расселение немцев, 4 июля 1927 г. на территории Алтая был создан немецкий национальный район.

Но в региональной историографии, особенно в последнее десятилетие, значение этого периода недооценивается. Акцентуация на мемориализации памяти П. А. Столыпина и своеобразный заказ региональной администрации привели к сосредоточению внимания исследователей на столыпинских переселениях на Алтай с 1905 г. [7–8], с недооценкой значения крестьянских переселений второй половины XIX в.

Кроме того, именно этот этап привел к формированию локальных вариантов этнических культур на Алтае, в т. ч. русской культуры. Среди великорусских крестьян-переселенцев существовала значительная разница в бытовой и повседневной культуре, отражавшая сложившиеся варианты культуры русских в разных историко-этнографических зонах и природно-географических условиях Европейской России. На Алтае эта разница сыграла дифференцирующую и моделирующую роль. С одной стороны, после начала переселений всё сельское население на Алтае разделилось на две группы – «старожилов» (сибиряков) и переселенцев («россейских») [9]. С другой стороны, сформировались этнотерриториальные группы русских, которые маркировались культурно-территориальными терминами – смоляки, резаны, пензяки, тамбов и др. Это привело к этнокультурной мозаике в сельской среде, как на уровне одного села с формированием краев, так и основанием самостоятельных монокультурных поселений, часто с сохранением названия территории исхода [10]. Соотношение подселившихся переселенцев и создавших самостоятельные поселения можно представить по данным 1888 г. из 18031 души переселенцев, получивших право на поселение в 1888 г. – 8490 душ (4523 муж. и 3967 жен. пола) поселились в старожильческих селениях, а 9547 душ (5077 муж. и 4470 жен.) осели в переселенческих участках. Таким образом, на свободных участках поселилось 52,9% общего количества переселенцев [2]. Культурно-бытовая разница между краями и селами существовала в обустройстве жилой среды, одежде, певческих и танцевальных традициях и т. д. [11].

Третий этап, 1905–1920-е г., начался со столыпинских переселений, инерционно продолжался в годы гражданской войны и последующее десятилетие, в котором важнейшей причиной подвижки населения стал голод в Центральной России и Восточной Сибири. В отличие от переселений второй половины XIX в. основными территориями исхода столыпинцев были черноземные губернии, отличавшиеся господством крепостного права. Это Воронежская, Орловская, Курская, Тамбовская, Харьковская, Полтавская и др. губернии, относящиеся к южнороссийской этнографической зоне, где наряду с русскими проживали украинцы, в Поволжье – финно-угорские и тюркские народы. В потоках переселенцев были также народы Прибалтики (литовцы, латыши, эстонцы), создавшие большое количество хуторов на Алтае. Результаты отражались в предварительной Всероссийской переписи 1920-го года [12] и Всесоюзной переписи 1926 г. [13] Так, в 1920 г. при росте общей численности населения Алтайской губернии (1615180 чел.) по сравнению с 1914 г. на 28,7% (1254996 чел.) – 17,4% составляли уже домохозяйства не восточнославянских этносов, которых к этому времени насчитывалось свыше 30. Тогда как по переписи 1897 г. только русских было более 90% на Алтае. Среди них 43558 домохозяйств украинцев, 1412 алтайцев, 5278 немцев, 2892 мордвы-домохозяев, 2601 киргизов (казахов), 1047 чувашей, 227 домохозяйств эстонцев, 129 зырян, 110 литовцев, 107 пермяков [14, с. 2]. Переселенцы стремились се-

литься консолидировано, что привело к формированию этнических районов с преобладанием тех или иных этнических переселенцев [15]. Так, большинство украинцев осело в Славгородском и Змеиногорском уездах – 32246 чел. [16]; немцев – в Славгородском (4365 чел.); мордвы в Барнаульском (1387 чел) и т. д. Сформировались русско-украинские контактные зоны; немецко-украинские зоны и т. д. В 1920-е г. украинцы составляли 18% от числа населения региона, мордва 2%, немцы 1,5%, белорусы 0,9%, казахи 0,6%, татары 0,4%. А по данным переписи 1926 г. славянские народы составили свыше 91%. Вместе с тем увеличилось число латышей (1081 чел.), зырян (3333 чел.), поляков (2519 чел.), эстонцев (2067 чел.), пермяков (1926 чел.). [10].

Четвертый этап охватывал 1930–1940-х г. связан с этническими ссылками, репрессиями и депортациями. Инерционно продолжался в 1950-е гг. до середины 1980-х гг. в контексте социально-экономической политики советского государства. В составе принудительных депортаций как «потенциальных пособников фашизма» на Алтае оказались поволжские и ростовские немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы; как «представители» государств, воевавших против СССР – этнические болгары, венгры, румыны, финны и др. Только с 11 по 30 сентября 1941 г. на территорию Алтайского края прибыло на 14 станций 34 эшелона с 80 454 человек депортированных немцев, которые были расселены по 47 районам. Общая численность депортированных в регион немцев составила от 100 303 [17, с. 74] до 115 000 человек [18, с. 6]. В 1943–1944 гг. на Алтае расселили 20 858 калмыков (из 91 919 человек). В 1949 г. во время армянской депортационной кампании на Алтае были рассредоточены группами от 500 до 1300 человек 16 тыс. армян по 37 районам края [19, с. 119]. Лидерами по приему армян была западная переселенческая полиэтническая зона: Славгородский – 1479 чел. (321 семья) и соседний Бурлинский район – 1313 чел. (30 семей), а также юго-западный переселенческий Угловский район – 1325 чел. (302 семьи). В восточных районах Алтая с преобладанием старожильческого русского населения лидером являлось Причумышье, которое служило зоной массовых лесозаготовок – Сорокинский район (1470 армян из 305 семей), Залесовский (493 и 145) и Бийское Приобье, являвшееся районом развитого сельского хозяйства – Бийский и Зональный районы (490 чел. – 125 семей).

Депортации 1940-х гг. больше, чем репрессии 1930-х гг. с их закрытой системой лагерей, способствовали полиэтничности сельских поселений, т. к. армян, молдаван, калмыков, немцев и других депортантов расселяли в среде местного населения. Большое значение сыграл принцип семейственности военных и послевоенных репрессий. Дисперсное расселение депортантов семьями привели к тому, что за предельно короткий промежуток времени территория Алтая стала районом этнически пестрого заселения. Указ о реабилитации народов в 1956 г. привел к отъезду тех, у кого была восстановлена или существовала административная территория. Выехали почти полностью калмыки в Поволжье, где была восстановлена республика. Уехали армяне в Армению и т. д. И только немцы, которым было отказано в восстановлении Поволжской республики немцев, вынуждены были остаться на Алтае, выйдя по численности населения на 2–3 место после русских.

Существенную роль в развитии полиэтничности региона стали послевоенные государственные кампании в области сельского хозяйства – целина и сельскохозяйственные переселения 1950–1960-х гг., а также строительная политика – комсомольские стройки и индустриализация аграрного Алтая. В развитие полиэтнического состава сельских поселений сыграла сложившаяся традиция сельского строительства с приглашением с Кавказа «кавказцев», которые славились своими строительными традициями. Появился даже термин для сезонных строительных бригад среди местного сельского населения – «грачи прилетели». Именно благодаря «грачам» велось массовое совхозное и колхозное строительство производственных объектов и жилого сектора поселений.

Нельзя умалять послевоенные принудительные переселения 1950–1960-х гг. Известное постановление «О мерах помощи гражданам, изъявившим желание переселиться в колхозы Сибири» повлекло изменение этнического состава сибирских регионов, изменение поселенческой структуры. Примером (Кожевниковский р-н Томской области), являлось увеличение численности чувашского населения в это время, изменения в развитии сети моноэтнических и смешанных чувашских поселений [20]. На Алтае только предстоит выявить изменение этнического состава благодаря принудительным сельхозпереселениям.

Собственно, перепись 1989 г. подвела черту советского периода в истории народов России и Алтая. Наиболее многочисленными в крае являлись русские, немцы, украинцы, алтайцы (за счет вхождения в состав Алтайского края Горно-Алтайской автономной области), казахи, мордва. В период с 1970–1989 гг. (в межпереписной период) произошло увеличение численности алтайцев (с 51142 чел. в 1970 г до 63964 чел. в 1989 г.), казахов (с 19689 чел. в 1970 г. до 21709 чел. в 1989 г.), белорусов (с 10694 чел. в 1970 г. до 11630 чел. в 1989 г.). Рост одних народов, например, алтайцев, обеспечивался за счет естественного воспроизводства, других, например, казахов и белорусов, обеспечивался за счет миграции из других областей.

Наконец, **пятый этап, составляют последние десятилетия – 1990–2010 гг.** Их основным содержанием являлся распад СССР, суверенизация республик, сложные национально-культурные процессы на территориях бывших советских республик, послужившие причинами миграциями русскоязычного населения в Российскую Федерацию, тяжелые социально-экономические ситуации на территориях, особенно Центральной Азии и Кавказа и трудовые миграции с постсоветского пространства. Важным фактором стали миграции немцев в Германию. Поэтому в этот период шел приток полиэтнического населения на территорию Алтая, в основном русских, благодаря чему сохранилась относительная стабильность русских на рубеже 1990–2000-х гг. и одновременно отток этнических мигрантов. Примером является численность казахов, проживающих по юго-западному приграничному периметру Алтайского края с XVIII в. Если в 1989 г. в Алтайском крае проживало 21709 казахов, то к 2002 г. их численность уменьшилась на 55% и составила 9825 чел. Притоки и оттоки совокупности меняли этнический состав населения и его размещение.

Результаты этих процессов были подведены переписью 2002 г. Население Алтайского края было представлено русскими – 2398117 чел., немцами – 79502 чел. (по переписи 1989 г. было 127731), украинцами – 52700 чел (было 76737), белорусами – 8280 чел. (11630), казахами – 9825 чел., татарами – 8899 чел., мордвой – 4769 чел. (7455), чувашами – 3385 чел. В целом в сравнении с данными переписи 1989 г. к 2002 г. происходит уменьшение многочисленных этносов-переселенцев Алтайского края: немцев на 37,5% украинцев на 31,3%, мордвы на 37%, белорусов на 29%. И наоборот, выросла численность не «традиционных» для Алтая, т. е. не участвовавших в освоении и хозяйственном развитии территории Алтая в XVIII – начале XX столетий. По статистическим данным переписи 2002 г. на территории Алтайского края проживало значительное число: азербайджанцев – 5852 чел. (было 7455, рост составил – с 0,15 до 0,22), армян – 8105 чел., узбеков – 1956 чел., таджиков – 1617 чел. [6].

Последняя Всероссийская перепись 2010 г. показала инерционное развитие процессов сформировавшихся в 1990-е гг.: уменьшается численность народов-переселенцев: немцев (50701 человек в 2010 г.) по сравнению с 2002 годом на 36%, украинцев (32226 чел.) – на 39%, белорусов (4591 чел.) – на 45%. Уменьшается и численность русских: абсолютно – 2469669 чел. в 1989 г., 2398117 чел. в 2002 г., 2234324 чел. в 2010 г. и относительно в составе населения – 93,88% в 1989 г., 91,97% в 2002 г. Растет число переселенцев из Центральной Азии, например, узбеков с 1956 в 2002 г. до 2763 в 2010 г., таджиков – 2087. При этом необходимо учитывать, что относительно этих народов есть так называемая скрытая статистика, т. к. не все официально оформляют вид на место жительства.

Таким образом, формирование этнического состава в значительной степени определялась политикой государства, его социально-экономических проектов, идеологических кампаний, которые служили толчком массовых миграционных процессов в Сибирь. Сибирь являлась принимающей территорией, с момента её вхождения в состав России. Причины переселений обуславливали характер миграций – добровольные, принудительные; массовые, перманентные и т. д. Вмешательство административных структур и характер размещения – дисперсное, компактное, групповое и т. д. Что способствовало этническому многообразию населения, как конкретного населенного пункта, так и этническому многообразию отдельных населенных пунктов с формированием моноосновы населения (казахские, литовские, украинские, чувашские и т. д.). Но статистика на прибыль и убыль населения на территории Алтая отражает общие процессы и закономерности в формировании этнической картины мира. Иную картину может дать анализ численности населения по возрастным и половым критериям; по людности семьи и т. д.

В соответствии с политикой государства и административных структур в этническом развитии Алтая выделяются 5 этапов. Каждый из них имел свое содержание, влиявшее на формирование этнической мозаики региона. На первом, четвертом и пятом этапах преобладало дисперсное размещение этнических мигрантов малыми группами, с вкраплением в местные принимающие сельские социумы. При этом, для четвертого этапа (1930–1940-е г.) характерно «распыление» по территории Алтая этнических спецпоселенцев и депортантов. В его основе лежала семейность репрессивной политики. Спецпоселенцев и депортантов, как правило, селили семьями, малыми группами по всей территории Алтая. Этим занимались комиссии из НКВД, МВД и спецотделы при хозяйственном управлении, которые распределяли потоки репрессированных. Отличием же второго и третьего этапа (вторая половина XIX и первая треть XX столетий) являлись этнические потоки на Алтай, которые консолидировались при прибытии на Алтай и старались селиться кучно. Этому способствовала и политика Переселенческих управлений.

Но при формировании этнической картины на Алтае, характеристика будет неполной, если не учитывать этнокультурные процессы, которые приводили к культурной мозаике внутри крупных этносов (территориально-культурной или культурно-бытовой разнице). История Сибири – это история перманентных переселений и формирования территориальных историко-культурных групп. Например, этнокультурная мозаика русских формировалась в соответствии с историческими параметрами [21]. 1. «Сословно-социальная дифференциация и культурная идентичность», в результате чего среди русских Алтая выделялись социокультурные группы «крестьяне», «казаки»; «бергалы» и др. 2. В результате «конфессиональной дифференциации и идентичности» сформировались «староверы» и «мирские», синонимами мирских выступали «россейские», «сибиряки», внутри староверов – «кержаки», «поморцы», «поляки». 3. «Хозяйственно-культурная дифференциация и идентичность» привела к «чалдонам», «вятским» и др. Этот критерий близок к территориально-культурной дифференциации – «тоболяки», «пензяки», «рязаны». В XIX в. писали, что они «селились кучками» и «жались друг к другу». 4. «Лингвистическая дифференциация и идентичность» способствовала, например, культурной обособленности «кержаков» – «Нук, Агань, иди, скажи Агашке, пусть притащат Аганьку». 5. Наконец к формированию этнокультурных групп вело в ходе переселений и миграций «межэтническое взаимодействие и идентичность», например, «кацапы» из русско-украинского порубежья. Видовое многообразие русских проявлялось в культуре и поведении населения, придавало специфику историческим процессам XX столетия [22]. Историки слабо учитывают этнокультурный фактор. Умаление культурного многообразия негативно влияет на исторические реконструкции.

Такая же этнокультурная разница отмечалась у немцев Алтая, где дифференцирующими признаками выступали, в том числе, язык, вероисповедальная и бытовая культура – поволжские немцы, ростовские немцы, прибалтийские немцы и т. д. Этногеографические немецкие ареалы на Алтае формировались путём консолидации среди переселенцев по немецким этнографическим группам, имевшим одинаковые места выхода и отличавшихся также речью, историческим прошлым. Так, в Благовещенском районе с. Глядень основали в 1908 г. меннониты – переселенцы с Украины, из Таврической губернии. Вскоре образовалось еще четыре поселка: Глядень-2, Глядень-3, Глядень-4. Селились здесь и поволжские немцы с лютеранским вероисповеданием, диалект которых отличался от диалекта украинских немцев. Большинство современных жителей в этой зоне, как немцы, так и украинцы исповедуют баптизм [23, с. 10]. Так на Алтае немцы, селясь компактно, сохраняли свою культурную пестроту. Также как существовала культурная дифференциация у татар – поволжские татары-переселенцы, кряшены, мишари, сибирские татары, крымские татары и т. д. [24]. Языком и культурно-бытовыми традициями отличались и этнографические группы мордвы [25] и т. д. Переплетением этнических и этнокультурных традиций и формируется историко-культурное наследие народов Алтайского края.

Список литературы

1. Самигулов, Г. Х. Этнические и сословные номинации на Урале XVII в. // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред. : В. А. Тишков, А. В. Головнёв. – Москва; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 325.
2. Силина, И. Г. Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг.: (источники и методы исследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 09. Барнаул, 2002. – 24 с.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н. А. Троицкого. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1904. – Т. LXXIX : Томская губерния. – 280 с.
4. Щеглова, Т. К. Обь-Иртышское порубежье // Историко-культурная взаимосвязь Казахстанского Прииртышья и Российского верхнего Приобья в свете новых подходов и технологий их изучения : матер. мед. науч.-практ. конф. – Павлодар : ПГПИ, 2011. – С. 34–42.
5. Шайдуров, В. Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – XX вв. – Барнаул, 2003. – 142 с.
6. Щеглова, Т. К. Многоликий мир алтайских деревень / Т. К. Щеглова, М. А. Овчарова // Алтайский благодатный край. – Москва, 2007. – С. 124–129.
7. Возможности развития сельских территорий Алтайского края и Сибири – новое прочтение реформ П. А. Столыпина : матер. науч.-практ. конф., Алт. край, авг. 2011 г. / [под общ. ред. М. П. Щетинина ; авт. вступ. ст. : А. Б. Карлин и др.] – Барнаул, 2011. – С. 232–237.
8. Преобразование Сибири: от реформ П. А. Столыпина до современности : матер. науч.-практ. конф. / [Гл. упр-е экономики и инвестиций Алт. края ; под общ. ред. М. П. Щетинина ; авт. предисл. А. Б. Карлин]. – Барнаул, 2012. – С. 355–360.
9. Щеглова, Т. К. Русские старожилы и новоселы // Алтайский благодатный край. – Москва, 2007. – С. 94–101.
10. Щеглова, Т. К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 23. – С. 97–107.
11. Щеглова, Т. К. Русские Алтая во второй половине XIX–XX столетиях: культурное многообразие и история формирования научных представлений о локальных группах (к проблеме создания классификации) // Этнография Алтая и сопредельных территорий : матер. 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 окт. 2015 г. – Барнаул, 2015. – Вып. 9. – С. 175–185.
12. Мерхалев, Д. Предварительные итоги демографической переписи населения 1920 г. по Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. – Новониколаевск : Тип. Совнархоза № 1, 1921. – Т. 1, вып. 4. – С. 41–59 (?).
13. Население по народности, родному языку и грамотности (Всесоюзная перепись 1926 г.). – Москва, 1928. – Т. VI : Сибирский край.
14. Этнографический состав населения алтайской губернии по предварительным данным Всероссийской переписи 1920 года // Бюллетени Алт. Губ. Статбюро. – 1921. – № 5.
15. Щеглова, Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий : матер. 8-й междунар. науч. конф. – Барнаул, 2011. – Вып. 8. – С. 72–83.
16. Щеглова, Т. К. Русско-украинские переселенческие этнокультурные зоны Алтайского края: село как информационная система и объект культурного ландшафта // Возможности развития сельских территорий Алтайского края и Сибири – новое прочтение реформ П. А. Столыпина : матер. науч.-практ. конф., Алт. край, авг. 2011 г. / [под общ. ред. М. П. Щетинина ; авт. вступ. ст. : А. Б. Карлин [и др.]]. – Барнаул, 2011. – С. 232–237.
17. Ремпель, П. Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – Москва, 1996. – С. 69–97.
18. Сыщенко, А. Г. Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. – Барнаул : Алт. Дом печати, 2007. – 623 с.
19. Аблажей, Н. Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. – Т. 10, вып. 1. – С. 116–121.
20. Овчарова, М. А. Устная история как источник изучения этнических переселений в Сибирь 1950-х годов // XI Конгресс антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.): сб. матер. – Москва ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 323.
21. Щеглова, Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск, 2005 – С. 111–124.
22. Щеглова, Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. – Барнаул, 2009. – Вып. 8. – С. 119–134.
23. Смирнова, Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 88 с.

24. Щеглова, Т. К. Татары Алтайского края: формирование и размещение в XVIII–XXI веках // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации : матер. Междунар. науч. конф. (25–27 нояб. 2012 г.). – Барнаул, 2012. – С. 246–256.

25. Щеглова, Т. К. Мордва Алтайского края: самосознание и самоидентификация / Т. К. Щеглова, М. А. Овчарова // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации : [сб. ст.]. – Новосибирск, 2005. – С. 175–183.

УДК 281. 93:069(571. 17)

Е. А. Полякова
Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул, Россия

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ МУЗЕЕВ
(НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦКОЙ¹)**

В статье на примере Музея истории православия на земле Кузнецкой рассматриваются вербальная, визуальная и интерактивная составляющая коммуникативной деятельности церковного музея. Автором характеризуются формы коммуникативной деятельности музея, вскрывается их педагогический потенциал и делается вывод о принадлежности церковных музеев к образовательным формам культуры.

Ключевые слова: церковный музей, коммуникативная деятельность, педагогический музей, педагогический потенциал, образовательная форма культуры.

E. A. Polyakova
Altai State Institute of Culture,
Barnaul, Russia

**PEDAGOGICAL POTENTIAL OF COMMUNICATIVE ACTIVITY
OF CHURCH MUSEUMS
(ON EXAMPLE OF MUSEUM OF ORTHODOXY ON KUZNETSKY LAND)**

The author of the article considers verbal, visual and interactive elements of Church museums communicative activity on example of “Museum of Orthodoxy on Kuznetsky land” working. The author describes forms of museum communicative activity, points out on its pedagogical potential, concludes about belonging of Church museums to educational forms of culture.

Key words: a Church museum, communicative activity, a pedagogical museum, pedagogical potential, педагогический потенциал, educational form of culture.

Музей является образовательной формой культуры. На его становление и развитие в этом статусе повлияли потребности общества в обучении подрастающих поколений посредством передачи накопленного и сохранённого опыта. Значительное влияние на это оказали процессы демократизации, что превратило музей не только в обязательный элемент культурного пространства, но ещё больше усилило его обучающую функцию [1].

Признанию музея образовательной формой культуры способствовали образовательные реформы второй половины XIX в., актуализировавшие создание светских и церковных педагогических музеев. Эти музеи отвечали ожиданиям/экспектациям общества, поскольку обладали ярко выраженным педагогическим потенциалом, позволяющим решать дискуссионные задачи образовательной сферы посредством повышения квалификации педагогов и обеспечения образовательных учреждений необходимым наглядным материалом. Следует отметить, что светские музеи были ориентированы на нужды начального обучения, а церковные – профессионального. Впоследствии опыт работы педагогических музеев был воспринят как образовательными учреждениями (школы, институты повышения квалификации), так и прочими музеями. К началу XXI в. для